

УДК 141.319
<https://doi.org/10.36906/KSP-2023/19>

Гутова С.Г.

*ORCID: 0000-0002-7947-166X, д-р филос. наук
Нижевартровский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЛИЗМ И ТЕМА БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с развитием человеческой истории на примере философских идей Николая Бердяева. Отмечается, что кризис современного общества во многом обусловлен новым состоянием культуры, которое выражается в упадке и одновременно преобразении человека. В работе делается вывод, что человек находясь внутри истории, не способен изменить коренным образом ее законы, но в тоже время он может обрести свое подлинное бытие.

Ключевые слова: социальный персонализм русская философия; история; кризис культуры философия Николая Бердяева; массовый человек; общество потребления; человек и техника.

Gutova S.G.

*ORCID: 0000-0002-7947-166X, Doctor of Philosophical Sciences
Nizhnevartovsk State University
г. Nizhnevartovsk, Russia*

SOCIAL PERSONALISM AND THE THEME OF THE FUTURE OF MANKIND IN THE PHILOSOPHY OF NIKOLAI BERDYAEV

Abstract. The article deals with topical issues related to the development of human history on the example of the philosophical ideas of Nikolai Berdyaev. It is noted that the crisis of modern society is largely due to the new state of culture, which is expressed in the decline and simultaneous transformation of man. The paper concludes that man, being inside history, is not able to fundamentally change its laws, but at the same time he can find his true being.

Keywords: social personalism Russian philosophy; history; crisis of culture Nikolai Berdyaev's philosophy; mass man; consumer society; man and technology.

Интерес к идеям русского философа Николая Бердяева в современном мире не только не ослабевает, а напротив, он становится все более острым и очевидным. Взгляды русского мыслителя на историю человечества и, особенно на развитие российского общества, не теряют своей актуальности уже практически 100 лет. В этом ключе важно ответить на вопрос о месте человека внутри исторического потока, может ли личность существенно и необратимо влиять на социальный процесс в мировом масштабе или остается его пассивным участником? Данный вопрос открывает смысл бессилия каждой отдельной личности или, напротив, показывает нам степень ее величия и могущества, которое на самом деле и есть божественное предназначение человека. Однако ситуация с которой мы столкнулись сегодня, показывает нам, что именно человек в настоящий момент истории испытывает фундаментальную трансформацию, то

самое преобразование к которому он всегда так стремился. Бердяев обращает наше внимание на тот факт, что вся наша история – это одна большая неудача человека, она есть: «крушение всех человеческих замыслов. В ней осуществляется не то, что задумал человек, и смысл происходящего в ней неуловим для человека [6].

Объективность законов социального мира, делает историю для нас внешним и часто даже враждебным процессом, в котором мы вынуждены играть определенную, предписанную нам роль и каждый раз бессильно наблюдать за происходящим со стороны, не имея возможности что-то изменить коренным образом. Возможно то, что мы называем злом по отношению к конкретному человеку, есть необходимость выживания для общества и потому злом не является, а скорее даже благом, поскольку способствует его развитию. Данная дилемма не разрешима с позиции гуманизма и веры в человека, его духовно-нравственных ценностей. Признание вечного и неразрешимого противостояния личности и общества само по себе не дает возможности ответить на вопрос о смысле и цели исторического развития.

Таким образом, именно пути преодоления этой пропасти искали русские философы в самые тяжелые, переломные для нашей страны и мира периоды истории. Русские философы стремились не только критически осмысливать человеческую историю, но и видеть ее возможности: «Чувство эсхатологической надежды связывалось мыслителями с обретением подлинного смысла исторического существования, осуществлением человеком своего предназначения» [9, с. 394-395].

Учитывая современное состояние человеческого общества, действительно важно ответить на вопрос о том, как человеку, потерявшему связь с Богом, вновь обрести веру в свои силы и в свое будущее? Именно XX век показал нам, что действительно, как и предсказывал русский философ Бердяев, сначала пошатнулась вера в Бога, а затем она постепенно утратилась и в отношении самого человека [1]. В русской религиозной философии и художественной литературе, акцент был расставлен таким образом, что все искусственные построения рушились в одночасье, если в них не было решения вопроса о смысле человеческого бытия. Другими словами это вопрос, который имеет принципиальное значение для конечных судеб мира, а именно: как найти в человеке божественное и как дать ему восторжествовать над объективированным миром, порабошающим его?

Судьба личности в контексте исторического развития

Размышляя над человеческой историей, Николай Бердяев безжалостно констатирует: «История была судьбой человека, но судьба человека никогда не интересовала историю. Несоизмеримость между историей и личной человеческой судьбой и есть трагедия истории, трагедия безысходная в пределах самой истории, требующая ее конца» [6, с. 319]. Для русского мыслителя воплощением объективации духа в истории становится гегелевская концепция, в которой личность полностью подавляется, подчиняясь внешнему закону, который в свою очередь, есть ни что иное как абсолютная власть разума. Человека одинаково пугает и настораживает история, происходящая с ним и одновременно без него, то есть холодный рациональный расчет не менее губителен для живого человеческого духа, чем

абсолютный иррациональный волюнтаризм, свобода в чистом виде, хаос, лишенный цели и смысла. Решение данной проблемы у Бердяева связано с наличием внутреннего духовного потенциала в человеке, который прочно его связывает с духовным миром. «Реальная победа над хаосом требует усилий духа, духовного переворота и духовного возрождения, она опирается не на фатум истории, не на темные иррациональные силы, а на человеческую свободу и на благодатные Божьи силы» [6, с. 322]. Таким образом, зло, присутствующее в настоящем времени нашей истории, не может быть частью божественного замысла, следовательно, говорит философ: «... в современных мировых течениях не действуют ни силы свободы, ни силы Божьей благодати. В них обнаруживается страшная покинутость человека» [6, с. 322].

Мир фантазмов (тождественно миру симулякров Ж. Бодрийера [8].) окруживший плотной стеной человека и заменивший массам подлинную культуру, по словам Бердяева, был и раньше, он появился не в XX веке, просто сегодня он стал максимально очевиден, его опасность больше нельзя игнорировать. Как показывает история, человек всегда стремился выжить физически и укорениться материально, это неотъемлемая часть нашего общественного бытия. Однако не экономика на самом деле является фундаментом его жизни, поскольку человек свою сущностную природу реализует только в трансцендентной цели, его идеалы проецируются в физический мир и то ради чего он живет находится в другом измерении. Именно оно является подлинным источником творчества и самых невероятных высот в развитии культуры, которые были достигнуты человечеством. Человек в массовом обществе рассматривает духовную культуру как нечто второстепенное, не имеющее самостоятельной ценности, поскольку ориентирован в первую очередь на потребление материальных ценностей, частью которых становятся и духовные символы. Постепенное замещение смыслов ведет к потере ориентации в личном и социальном пространстве и невозможности иметь подлинное религиозное сознание.

Для типичного поведения индивида в массовом обществе, характерно возрастание активности, но вся она в основном направлена на потребление, цель которого не только сиюминутна (а потому в принципе неудовлетворима), но и лишена религиозности, как духовного основания, что в более широком смысле можно обозначить как мир лишенный сакрального значения. Символизм мира потребления в массовом масштабе носит примитивный характер и в большей степени отражает желание индивида пройти необходимую идентификацию, представленную современной системой ценностей материального благополучия. Любая попытка вырваться из этого порочного круга, приводит человека к осознанию нескольких ключевых идей. Во-первых, это необходимость преодоления внешней объективации на личностном уровне, то, что Бердяев называет принятием трагизма своего положения. Во-вторых, это поиск в себе самом божественного начала, которое и позволит человеку преодолеть современный этап отчуждения и обрести свою собственную подлинную сущность.

В любом кризисе есть свои положительные моменты, поскольку, пишет Бердяев, человек в этом всеобщем упадке и хаосе прозревает и видит как: «Падают ложные покровы, и обнажается добро и зло» [5]. Старый мир новой истории изживает себя и требует обратить внимание на то новое, что неизбежно должно принять человечество. Бердяев подчеркивает: «День истории перед сменой ночью всегда кончается великими потрясениями и катастрофами, он не уходит мирно». Возможно поэтому, современная личность испытывает то состояние, которое можно сравнить с обновлением змеи, сбрасывающей старую кожу. Кризис может восприниматься и как нечто нейтральное, если рассматривать его как часть исторического процесса, необходимого для обновления человеческой культуры и который может иметь одновременно негативные и позитивные последствия [10, с. 93].

В работе посвященной новому жизненному этапу человеческого бытия «Человек и машина» (1933), где подчеркивается необходимость переоценки многих важнейших ценностей в мире господства техники, Бердяев пишет о том, что: «В своей исторической судьбе человек проходит разные стадии, и всегда трагична эта судьба» [4]. Сначала он был рабом природы, и результатом его борьбы за освобождение стала сотворенная им культура, но одновременно с ней он создал и государство, классы и поэтому сразу оказался в новом рабстве. Сейчас от человека требуются новые усилия, связанные с обузданием иррациональных процессов в обществе и поэтому он стремится максимально организовать мир с помощью техники и окончательно подчинить природу. Однако проблема заключается в том, что освобождение человека до сих пор не состоялось, поскольку он неизбежно ищет опору вне себя, а не в своих собственных силах. Поэтому Бердяев обращает внимание на то, что: «... в новых и новых формах ставится проблема освобождения человека, овладения духом природы и общества. Эта проблема может быть решена только сознанием, которое поставит человека выше природы и общества, поставит душу человеческую выше всех природных и общественных сил, которые должны ему подчиниться» [4]. Николай Бердяев, размышляя об условиях освобождения человека, убежден, что решение возможно только благодаря религиозности, а именно он говорит о христианстве, которое: «... может быть, недостаточно в его истории раскрывалась и часто искажалась. Путь окончательного освобождения человека и окончательного осуществления его призвания есть путь к царству Божию, которое есть не только царство небесное, но и царство преображенной земли, преображенного космоса» [4]. Бердяев говорит о центральном событии в истории, а именно о любви Бога и человека «в свободе», он видит тайну антропологического процесса в тоске человека по Богу, которая в тоже время является откровением Бога в человеке и рождением Бога в человеческом духе [7, с. 43-44].

Социальный персонализм как ответственность за будущее человечество

Духовная сила личности зависит от того способна ли она взять на себя ответственность за все, что происходит с ней и человечеством в данной отрезок истории. В настоящем отрезке истории происходит принятие и осознание реального положения дел, взгляд на человеческое бытие как на персональное бытие, расположенное в социальном пространстве, в котором

утрачены иллюзии [2], но взамен получен стимул к новому витку в развитии своих собственных сил. Истина оказывается проста и очевидна, человек должен изменить самого себя, совершенствоваться, но опираясь только на высшие ценности, которые вне подлинной религии не существуют. Поэтому кризис религиозности, который наблюдается в массовом обществе, Бердяев тоже приветствует: «Огромные массы человечества зашевелились и пришли к активной власти в момент потери религиозных верований и отпадения от христианства» [6]. Эпоха господства техники, о которой пишет русский философ, неизбежно меняет и сам тип религиозности, поскольку в эту эпоху происходит ослабевание внешне навязанного типа религиозного воззрения: наследственного, привычного, бытового, социально обусловленного [4]. Человеку полезно на данном этапе порвать с уже устаревшими традиционными формами религиозной жизни, поскольку в мире техники ему, чтобы вновь не оказаться в рабстве, ему неизбежно потребуется более напряженная духовная работа свободная от всяческих внешних социальных внушений. В таком случае, уверен Бердяев: «Религиозная жизнь делается более личной, более выстраданной, т. е. определяется духовно [4]. Однако данный подход философа, не основан исключительно на оптимизме в отношении становления нового религиозного сознания, как на персональном, так и на всеобщем соборном уровне. Власть машины, считает Бердяев, может иметь, в том числе и «... роковые последствия для духовной и религиозной жизни. Техника овладевает временем и радикально меняет отношение ко времени... В этой бешеной скорости современной цивилизации, в этом бегстве времени ни одно мгновение не остается самоцелью и ни на одном мгновении нельзя остановиться, как на выходящем из времени» [4].

Николай Бердяев увидел многие современные проблемы нашего техногенного общества, задолго до того как они стали для нас очевидными: «Машина получила магическую власть над человеком, она окутала его магическими токами» [4]. И эта новая магия в очередной раз не сделала человека свободным, более того, она поработила его окончательно, заставив чувствовать себя еще более зависимым, разрывая при этом традиционные социальные связи, разъединяя нас и властвуя, поскольку оставляет нам единственный возможный путь – это дальнейшее погружение в одиночество и прочную связь с техникой. То, что Бердяев называет цивилизацией, может окончательно преобразовать религиозное сознание, но при этом не дать возможности человеку вновь приблизиться к божественному, поскольку мир техники на данном этапе включает в себя человека не как цель, а скорее как средство для развития материального мира. Философ уверен, что: «Машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие. Но человек есть образ и подобие Бога и не может стать образом и подобием машины, не перестав существовать» [4]. Однако все эти опасения не мешают Н.А. Бердяеву говорить о перспективах человечества следующим образом: «Нужно видеть абсурдность и бессмысленность мира, в котором мы живем, и вместе с тем верить в дух, с которым связана свобода, и в смысл, который победит бессмыслицу и преобразит мир» [3]. Единственный путь, преодоления кризисного состояния современной культуры и поглощения ее цивилизацией, на который указывает нам русский философ, – это путь религиозного преображения [6, с.153].

Подлинное бытие не может существовать без аскезы и резиньякции, поскольку в нем гаснет творческое начало, которое задается общей «усталостью» современной культуры [6]. Истинная культура созерцает вечность, утверждает философ, а техника погружает человека в постоянную гонку за прогрессом, не оставляя ему возможности для внутренней глубины и существования в духовном измерении. Таким образом, человек способен найти в себе великую силу и покаяться, а затем обратиться к своему собственному преображению, преодолевая историю и устремляясь к божественному в нем.

Литература

1. Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира. Путь. 1932. № 35. С. 56-68. <https://clck.ru/38oa9J>
2. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с. <https://clck.ru/38oa5x>
4. Бердяев Н.А. Человек и машина // Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. I. М.: Искусство, 1994. 542 с.
5. Бердяев Н.А. Новое Средневековье // Философия творчества, культуры и искусства. 1994. Т. 1. С. 406-464.
6. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире (к пониманию нашей эпохи). М.: Республика, 1994. С 318-462. <https://clck.ru/38oZsx>
7. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М.: Издательство Юрайт, 2023. 175 с. Режим доступа: <https://clck.ru/38oZrx>
8. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.
9. Гусев Д.В. Образ человека будущего философской эсхатологии Н. Бердяева, С. Булгакова и Ф. Франка // Future Human Image. 2012. Т. 2. С. 384-395.
10. Углинская Н.А. Кризис культуры как процесс смены ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 87-94.

© Гугова С.Г., 2024